

Vol.

CHARLIE KAUFMAN

ANTKIND

RANDOM HOUSE · NEW YORK

ЧАРЛИ КАУФМАН

МУРАВЕЧЕСТВО

ПЕРЕВОД
СЕРГЕЯ КАРПОВА И АЛЕКСЕЯ ПОЛЯРИНОВА

INDIVIDUUM/VOL.
МОСКВА, 2024

УДК 82-31
ББК 84(Сое)6
К30

Напечатано при содействии
литературного агентства
Andrew Nurnberg

Кауфман, Чарли.

К30 Муравечество [в пер. с англ. С. А. Карпова, А. В. Поляринова]. — Москва: Индивидуум, 2024. — 704 с. — (Vol.)

ISBN 978-5-6044959-7-1

Чарли Кауфман знаком нам по фильмам, но пора признать: до сих пор автора «Адаптации» и «Вечного сияния чистого разума» сдерживали бюджет и ограничения предметного мира. В дебютном романе о неудачливом кинокритике он сбрасывает оковы: повествование простирается на миллионы лет вперед и назад, населено вымышленными и подлинными звездами кино, роботами-клонами Трампа, рассуждениями о Сокурове и Нолане, БДСМ-практиками и язвительными комментариями к эпохе #MeToo. «Муравечество» — величественный и едкий роман-головоломка, который можно дешифровать по модели Т. Пинчона или Д. Ф. Уоллеса, а можно нырнуть в него с головой и покоряться психоделической мощи.

УДК 82-31
ББК 84(Сое)6

 individuum Vol.

ISBN 978-5-6044959-7-1

Copyright © 2020 by Charlie Kaufman
© С. Карпов, А. Поляринов, перевод, 2021
© ООО «Индивидуум Принт», 2024

*Огонь — это так по-американски. Так по-нашему.
Его опустошения. И неизбежный короткий триумф.*

Ларри Левис*.

Моя история в стиле позднего огня

*Дым туманит взор
Дым туманит взор
Дым туманит взор
Дым туманит взор.*

Дым туманит взор**

* Ларри Левис (1946–1996) — американский поэт. — Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчиков.

** Песня «Smoke Gets In Your Eyes» в исполнении группы The Platters (1958).

Оно приземляется *с бумом*, из ниоткуда, вне времени, вне порядка, залетело из будущего или, возможно, из прошлого, но приземлилось здесь, в этом месте, в этот миг, а это мог быть любой миг, а значит, как нетрудно догадаться, это никакой миг.

Похоже, оно — это фильм.

ГЕРБЕРТ И ДАНЭМ КАТАЮТСЯ НА ВЕЛИКАХ (1896)

Мы с Гербертом катим на великах до острова Анастейша. У них там теперь новый мост. Нынче 30 ноября 1896 года, и почти темно, но еще нет. Насчет погоды точно не знаю, потому что из тех времен записей не осталось, но это Флорида, так что, скорее всего, было тепло, и неважно, какой месяц. Вощем, мы гоняем, куролесим и че тока не творим, как все пацаны в такие годы, жизнь в нас бьет ключом. И я такой хочу рассказать Герберту страшилку о призраке, потому что знаю, как легко его шугануть, и мне всегда смешно, как он визжит от страха. Мы с Гербертом встретились, потому что Сестры взяли нас обоих, еще когда мы совсем малые были, пушта были мы сироты, нас нашли на кладбище Толомато, правда-правда, а это уже само по себе жуть, коли подумать. Ну и вот Сестры, взяли они нас к себе, так мы и встретились, и теперь нас обоих усыновила вдова Перкинс, которая старая и одинокая, и она хотела себе мальчишек, чтобы, говорит, не чувствовать себя такой старой и одинокой. Но сейчас речь не о ней, а о том, как мы на великах катили на Лунный пляж, там горбыли ловятся будь здоров. Еще не стемнело, берем мы удочки, бросаем велики и к воде.

— Эт че? — говорит Герберт.

Я толком не знаю, но раз уж в любом случае хотел его шугануть, говорю:

— Может, это призрак, Герберт.

Заслышав, Герберт тут же хочет дать деру обратно в город, и я ему говорю, что просто дурака валяю и не бывает по правде никаких призраков, и, кажись, убеждаю, что стоит подойти да проверить.

С некоторым беспокойством Герберт соглашается подойти к пузрю, потому как выглядит оно в точности пузырем.

И, прямо скажу, штукавина здоровая! Я в измерениях не эксперт, но на глаз метров шесть в длину и три в обхвате. У него четыре руки. Оно белое и на ощупь как будто резиновое, точно подошвы колчестерских спортивных туфель, которые вдова Перкинс купила мне на прошлый день рождения, когда мне стукнуло десять. Герберт эту штуку не трогает, а я никак не могу перестать.

— Что же это может быть? — говорит Герберт.

— Знать не знаю, Герберт, — говорю я. — Что могло бросить к нашим ногам всемогущее море? Кто знает, что кроется в чернильной тьме, в непроглядном сумраке моря? Море — это как бы, ну, знаешь, метафора человеческого разума во всей его непознаваемости.

Герберт кивает, ему скучно. Все это он уже слышал. Хоть мы и близки, как настоящие братья, мы очень разные. Вопросы духа и ума Герберту неинтересны. Другой бы назвал его прагматистом, сказать по правде. Но он терпит мои размышления, и я люблю его за то, что он мне потакает. Поэтому продолжаю:

— Библия, которую нам читали Сестры в приюте, под завязку набита рыбьим символизмом, и я слышал, что рыбы есть почти во всех мифологических традициях, возьми хоть восточные, хоть какие. Что там, мне рассказывали, будто где-то в Швейцарии есть малый по имени Карл Янг, и он верит, мол, рыба символизирует бессознание — бессознательное или бессознание? Вечно путаю.

Герберт пожимает плечами.

— Не суть, — продолжаю я, — мне вспоминается другой малый, Иона из еврейской Библии. Его проглатывает огромная рыба за то, что он не делает, как от него хочет Бог. Немного погодя Бог велит рыбине сплевывать Иону на берег. И вот мы нашли эту рыбу, сплеванную на берег. Это противоположность Ионы? У Бога есть огромный человек, который проглотил рыбу, чтоб сплевывать ее сюда? Знаю, Библию не следует читать буквально, а скорее, как говорится, аллегорически. Но вот мы стоим тут с огромной таинственной недорыбиной. И у нее четыре руки! Как рыба-собака. Или пол-осьминога. Или две трети муравья. Таинственно!

Я смотрю на Герберта. Он рассеянно тыкает в чудище палочкой.

— Давай, — говорю я, — привяжем его к великам водорослями и отвезем в город.

Теперь-то глаза Герберта загораются, ему это нравится, и мы беремся за работу. Когда дело сделано, садимся на велики и пытаемся ехать. Водоросли вмиг рвутся, мы с Гербертом летим с великов в кювет, а это мне говорит, что морское чудовище тяжелее, чем мы предполагали попервоначалу. Как я уже сказал, я не эксперт в области мер и весов.

Герберту приходит в голову съездить в город за доком Уэббом. Он самый образованнейший человек в Сент-Огастине и эксперт в устройстве природы. Еще он работает доктором в школе для слепых и глухих, где мы его и находим, пока он измеряет телепературу двум пацанам без глаз.

— Как дела, ребятишки? — Это он к нам обращается, а не к слепым пацанам, чей ответ, думаю, и так уже знает.

— Мы подумали, вам будет интересно, что мы нашли на Лунном пляже морское чудище, — говорю я, весь надутый от гордости.

— Правда, Герберт? — спрашивает док Уэбб у Герберта.

Герберт кивает, затем добавляет:

— Мы решили, оно из еврейской Библии или все такое прочее. Не совсем так, но я удивлен, что он хоть это запомнил.

— Ну, до завтра я съездить не смогу. У меня тут еще целое общество незрячих детей, чьи жизненные показатели требуют измерения и учета. И это не считая безухих детей на другой стороне кампуса.

И когда док Уэбб возвращается к своим обязанностям, меня как громом поражает одна мысль, да так сильно поражает, что я чуть с ног не падаю.

— Герберт, — говорю я. — А что, если эта непонятная куча — это мы?

— Это как? — спрашивает Герберт.

— Ну вот представь, что нас таких много...

— Меня и тебя?

— Да. Меня и тебя, но только как бы наших детей из будущего, которые слиплись вместе, когда летели назад во времени, — все слиплись в одно, в единый чудовищный кусок мяса. Так, можбыть, это на пляже совсем никакое не морское чудище, а просто мы?

— Я и ты?

— Просто мысль. Но заставляет задуматься.

ГЛАВА 1

Моя борода — это нечто. Это борода Уитмена, Распутина, Дарвина — и в то же время исключительно моя. Она с проседью, с фактурой стальной мочалки, как сладкая вата, слишком длинная, клочковатая и непослушная, чтобы считаться модной. И именно в этом — в этой самой немодности — и заключается главный посыл. Она как бы говорит: мне не по пути (Распутин!) с этой вашей модой. Мне плевать на привлекательность. Борода слишком велика для моего узкого лица. Борода слишком широка. Борода тяжеловесна для моей лысой головы. Она сбивает с толку. Поэтому если вы решите ко мне подойти, то подойдете на моих условиях. Я уже тридцать лет как бородат, и мне нравится думать, что моя борода внесла вклад в возвращение моды на бороды, но, если честно, сегодняшние бороды — совсем другие: многие настолько прихотливы, что проще ее сбрить, чем за такой ухаживать. А если бороды и большие, то они на типичных красивых лицах, лицах фальшивых лесорубов, лицах домашних пивоваров. Девушкам такое нравится: городские красавцы, мужчины в маскулинных прикидах. Не такова моя борода. Моя — вызывающе гетеросексуальная, неопрятная, раввинская, интеллектуальная, радикальная. Дает понять, что я не гонюсь за модой, что я эксцентрик, что я настроен серьезно. Позволяет судить вас по тому, как вы судите меня. Сторонитесь меня? Значит, вы поверхностны. Высмеиваете? Значит, вы мещанин. Испытываете неприязнь? Значит, вы... обыкновенны.

То, что борода скрывает родимое пятно цвета вина, которое тянется от верхней губы до грудины, — это уже дело десятое, максимум пятое. Борода — моя визитная карточка. Она помогает выделиться в море одинаковости. Вместе с совиными очками в тонкой оправе, орлиным носом, запавшими глазами дрозда и лысиной орлана я хорошо подхожу для карикатур, и как человек, и как птица.

На стенах моего домашнего кабинета висят в рамках несколько примеров из маленьких, но престижных кинокритических изданий (я отказываюсь фотографироваться по философским, этическим, личным и временным причинам). Моя любимая карикатура — в стиле так называемой иллюзии-перевертыша. Если взять ее вверх ногами, я стану похож на белого Дона Кинга*. Мне как заядлому боксеру-любителю этот визуальный каламбур кажется весьма забавным, и я даже использовал перевернутую версию этой карикатуры в качестве фото автора на задней обложке своей книги «Утраченная религия маскулинности: Джойс Кэрол Оутс, Джордж Плимптон, Норман Мейлер, Э. Дж. Либлинг** и временами агрессивная история литературы о боксе, боксерской науке и „почему“». Самое поразительное, что и на самом деле я в перевернутом виде похож на Дона Кинга. Не раз, когда я вставал в ширшасану на занятиях йогой, окружающие курицы собирались в кучу и кудахтали, что я прямо как тот «ужасный мужик из мира бокса». Так уж, полагаю, они флиртуют, эти легкомысленные существа среднего возраста, которые слоняются между залом, обедом, шопингом и холодным брачным ложем, со свернутым под мышкой или в наплечной кобуре ковриком для йоги, заявляющим равнодушному миру об их духовной дисциплине. Но я хожу на йогу только ради физических нагрузок. Не ношу специальные трико и не слушаю эту церемониальную восточную белиберду, которой инструктор предваряет каждое занятие. Даже шорты и футболку не ношу. Серые брюки и белая рубашка с воротником на пуговицах — это по мне. Ремень. На ногах черные оксфорды. Из заднего правого кармана плотно выпирает бумажник. Я считаю, это многое обо мне говорит. Я не такой, как все. Я не модник. Точно так же я одеваюсь, когда по okazji, чтобы расслабиться, тянет прокатиться на велосипеде в парке. Никаких костюмов из спандекса с логотипами. Мне не нужно, чтобы кто-то думал, будто я серьезный велосипедист. Мне не нужно, чтобы обо мне думали хоть что-нибудь. Я еду на велосипеде. Вот и все. Если вам так хочется что-то думать, ради бога, но мне все равно. Признаюсь: на велосипед и на занятия йогой меня посадила моя девушка. Она известная телеактриса, знакомая по роли благонравной,

* Американский промоутер бокса, организатор боев Мухаммеда Али, Майка Тайсона и других звезд, частый участник скандалов, дважды судимый за убийства. — Прим. ред.

** Авторы известных текстов и высказываний о боксе. — Прим. ред.

но сексуальной мамы в ситкоме девяностых и по многим другим ролям в телефильмах. Вы точно ее знаете. Вы бы сказали, что я — писатель-интеллектуал постарше — «ей не чета», но вы ошибаетесь. Несомненно, когда мы встретились на автограф-сессии после презентации моей вышедшей в престижном инди-издательстве критической биографии...

Что-то (олень?) выпрыгивает прямо под машину. Погодите! Здесь водятся олени? Кажется, я читал, что здесь водятся олени. Надо проверить. Те, что с клыками, не? Олени с клыками вообще существуют? По-моему, существуют, но не уверен, что я их не выдумал, и если не выдумал, то не знаю, почему они у меня ассоциируются с Флоридой. Надо будет проверить, когда приеду. Что бы это ни было, оно уже убежало.

Я еду сквозь тьму в Сент-Огастин. Мой разум ударился в монолог о бороде, как часто случается во время долгих поездок на машине. Любых поездок. Этот монолог я читал на автограф-сессиях и на лекции о Жан-Люке Годаре в дополнительном помещении столовой студенческой резиденции культурного центра «92-я улица Y». Людям, кажется, нравится. Мне все равно, нравится или нет, но им нравится. Просто делюсь этой информацией, потому что это правда. Правда — мой господин во всем, если бы, конечно, у меня вообще был господин, но его нет. За окном тридцать два градуса, если верить датчику температуры в машине. Влажность — восемьдесят девять процентов, если верить блестящей испарине у меня на лбу (в Гарварде меня нежно называли Ходячий Гигрометр). В свете фар — ураган насекомых, они врезаются в лобовое стекло, их размазывают дворники. Моя полупрофессиональная догадка — это рой комаров-толстоножек, *Plecia nearctica*, они же «мухи медового месяца», «двухголовые жуки», прозванные так потому, что даже после спаривания летают сцепившись. Точно так же я обожаю обниматься с моей афроамериканской девушкой после соития. Вы ее точно знаете. Если бы мы вдвоем могли сим образом лететь сквозь флоридскую ночь, я бы не раздумывая согласился, даже несмотря на риск разбиться о лобовое стекло какого-нибудь великана. На миг я забываюсь в этой чувственной и фатальной фантазии. Из дорожного забытья меня пробуждает звучный шлепок, и я вижу, что в стекло влетело невероятно большое и странное

насекомое и оставило кляксу, по моим расчетам, в северо-западном квадранте.

Шоссе пустое, пустота по обе стороны иногда прерывается редким флуоресцентным светом придорожных забегаловок, открытых, но пустых. На парковках — ни одной машины. Названия незнакомы: «Слэмми», «Складной нож», «Мик Бургер». Есть что-то зловещее в этих местах, удаленных от всего на свете. Кого они обслуживают? Где пополняют запасы? Сюда действительно ездят грузовики с замороженными котлетами откуда-то со складов «Слэмми»? Трудно представить. Похоже, ехать сюда из Нью-Йорка было ошибкой. Я думал, это будет такая медитативная поездка, когда можно подумать о книге, о Марле, о Дейзи, о Грейс, о том, как я далек от своих представлений о жизни. Как же это произошло? Смогу ли я хотя бы понять, кем был до того, как мир взялся за меня и против воли превратил в... *это*?

В любом случае это дела давно минувших дней, как любят говорить всякие хмыри. Наверняка не узнать. Случайные спекуляции после скудных археологических раскопок. Откуда во мне столько гнева? Почему я плачу? Почему я влюблен в ту женщину из супермаркета «Хол фудс»? Их поглотил «Амазон», а я все еще люблю ее, хотя и знаю, что «Амазон» воплощает в себе всё, что не так с этим миром. Ну, не всё. Но Безос* *над этим* работает. Что я пытаюсь доказать? Что, блядь, я пытаюсь доказать? И я двигаюсь дальше в будущее, все дальше от того мгновения, когда эта треснутая глиняная посуда была еще новой, когда цель ее была ясна, когда она была создана удерживать эту конкретную давно позабытую суть. Сколько боли она может удерживать? Сколько стыда? Сколько потерь? Сколько, позвольте предположить, удовольствия? Сколько неутоленных потребностей, отложенных навечно? Вот я на дальнем конце пятидесяти лет, без волос и с неопрятной серой бородой, еду сквозь ночь ради материала для книги о гендере и кинематографе, книги, которая не принесет мне денег и которую никто не прочитает. Этим ли я хочу заниматься? Тот ли я, кем хочу быть? Мне действительно нужно это нелепое лицо, какого я, если верить всяким острякам, заслуживаю? Нет. И тем не менее вот он я. Всё, чего я хочу, — быть

* Джефф Безос — богатейший человек мира, американский предприниматель, основатель и глава интернет-компании Amazon.com, основатель и владелец аэрокосмической компании Blue Origin. — Прим. ред.

цельным. Я хочу перестать ненавидеть себя. Я хочу быть красивым. Я хочу, чтобы родители миллионы лет назад любили меня так, как, возможно, никогда не любили. А может, и любили. Думаю, любили, но не могу найти иного объяснения этой постоянной нужде, бездонной дыре, этой убежденности в том, что я отвратительный, жалкий, омерзительный. Я ишу в каждом лице доказательство обратного. С умоляющим взглядом. Я хочу, чтобы люди смотрели на меня так же, как я смотрю на женщин, которые проходят мимо меня и не замечают. Надменные и самодостаточные. Может быть, поэтому у меня борода. Она всё время протестует. Она говорит: мне не нужна ваша любовь, ваше влечение, и вот как я это вам покажу. Буду выглядеть как нелепый интеллеktуал. Буду выглядеть грязным, так, словно от меня воняет. В молодости у меня оставалась надежда, что из меня еще получится что-то привлекательное. Несчастливым непривлекательным детям скармливают ложь о гадком утенке так же, как гусям скармливают кукурузу, прежде чем пустить на паштет. Я ходил в спортзал. Я бегал. Я покупал модную одежду. В моде были широкие ремни. Я покупал самые широкие, какие мог найти. За ними приходилось идти до самого Линденхерста. Я специально заказывал петли для широких ремней портному в Уихокене, который делал похожую работу для Дэвида Соула*. Но волосы исчезли, а лицо состарилось, и отрицать это не было никакого смысла, поэтому я пошел другим путем. Возможно, я мог бы выглядеть мудро. Возможно, за толстыми увеличительными линзами мои слезящиеся глаза могли бы казаться задумчивыми и даже добрыми. Это самое большее, на что я мог рассчитывать. И меня определенно стали замечать. Нет сомнений, за спиной у меня хихикали, но моя настойчивость отражала мой вызов стандартной модели, мою независимость.

И это действовало, по мелочи. Моя девушка сейчас — та, из-за которой распался мой брак, — актриса, красивая, звезда ситкома из девяностых, вы ее точно знаете. Думаю, ее привлек мой внешний вид бунтаря и интеллеktуала. И моя последняя книга. Она афроамериканка, не то чтобы это важно, но я такого точно не ожидал. И представить себе не мог, что афроамериканка проявит ко мне хоть какой-то интерес. Меня ни по внешнему виду, никак вообще

* Американский актер, прославившийся ролью детектива Хатчинсона в сериале 1970-х «Старски и Хатч». — *Прим. ред.*

нельзя назвать супермаскулинным разнорабочим, а она довольно красива и на пятнадцать лет младше меня. Она читала мою книгу об Уильяме Гривзе и его фильме «Симбиопсихотаксиплазм». Написала мне фанатское письмо. Она очень красивая. Я не скажу, как ее зовут. Мы встретились, и внезапно мой сложный брак превратился в невыносимый. Эта афроамериканская женщина оказалась всем, чего я когда-либо желал и даже не думал, что это возможно. Она также снялась в нескольких фильмах. В фильмах, которые я исследовал в своих текстах. В фильмах, на которые я писал отзывы и упомянул ее в комплиментарном ключе. Она, очевидно, начитана. Она остроумна, и наши беседы — как молнии: острые, напряженные и эмоционально обнаженные. Частенько мы болтаем всю ночь, подкрепляясь кофе, сигаретами (с которыми я завязал много лет назад, но необъяснимым образом развязываю, когда она рядом) и сексом. Я и не знал, что у меня еще могут быть такие сильные эрекции. В первую нашу ночь у меня не встал, потому что я представлял себе, как она сравнивает меня с анатомией стереотипных афроамериканских мужчин, и очень стыдился и сомневался в себе. Но мы это проговорили. Она объяснила, что была с разными черными — скромно и знатно оснащенными — и что в моем предположении есть что-то неотъемлемо расистское, о чем мне стоит немедленно задуматься. Еще она сказала, что размер в любом случае не имеет значения. Важно, как мужчина пользуется пенисом, ртом, руками. Любовь, которой он весь отдается, — вот лучший афродизиак, сказала она. И закончила тем, чтобы я чекнул свои привилегии, что не казалось мне тогда насущной проблемой, но она все же была права. Она мудрая и чрезвычайно страстная афроамериканка. Всё, что бы она ни делала, от дегустации до принятия ванны, взглядов, секса, она делает с такой непосредственностью, какой я не встречал ни у одного человека. Мне многому у нее нужно научиться.

Десятилетиями я возводил стены, и теперь они должны быть разрушены. Это она мне сказала, и я стараюсь. Занимаюсь с ней йогой и всегда стараюсь занять место у нее за спиной, чтобы видеть ее потрясенную афроамериканскую задницу. Сложно поверить, что мне разрешено ее трогать. И она записала нас на какой-то тантрический ретрит в выходные, который назначен на июль и из-за которого я нервничаю. Управление эякуляцией — это важно, но я не уверен насчет того, насколько комфортно мне будет тантрически взаимодействовать с незнакомцами. Моя девушка уже участвовала

в таком мастер-классе и говорит, что они переворачивают жизнь, но мне некомфортно от мысли, что придется раздеваться при незнакомцах. Проблема не только в размерах пениса, над чем я уже работаю (то есть работаю над своими комплексами), проблема в волосатости тела. В наши дни волосы на мужском (и женском; даже не будем о сексистских двойных стандартах, об этом общественном кошмаре, когда взрослая женщина вынуждена притворяться неполовозрелым подростком) теле не считаются привлекательными, не говоря уже о повышенной волосатости. Я отказываюсь иметь что-либо общее с культурой воска или депиляции. Мне это представляется тщеславным и немужественным, так что в результате я остаюсь наедине со своей неуверенностью. Моя девушка говорит, что воркшоп сотворит чудо с нашей сексуальной жизнью и что это полезное дело, но я не могу не думать о том, что она не удовлетворена. Она говорит, что дело не в этом, а в духовном единении и свободе от страха, и вот это я, наверное, принимаю. Наши отношения значат для меня очень много ввиду их новизны и, признаюсь, экзотической природы. Тут есть о чем подумать, а мухи медового месяца так и шлепаются в лобовое стекло. Дворники, похоже, больше не справляются. Просто размазывают насекомых. Я глазами ищу впереди заправку или хотя бы «Слэмми» — место, где можно разжиться водой и салфетками. Но ничего не видно. Только темнота.

Рассказывай, как все начинается.

В машине. Я за рулем. Я, но не я. Понимаешь? Ночь. Темнота. На самом деле чернота. Пустое черное шоссе с черными деревьями по краям. В свете фар шлепаются в лобовое стекло созвездия мотыльков и жесткокрылых насекомых, оставляя на нем внутренности. Я переключаю станции на радио. Нервный, дерганный. Перепил кофе? Сначала «Старбакс», потом «Данкин Донатс». Разумеется, в «Данкин Донатс» кофе лучше. «Старбакс» — это умный кофе для глупых людей. Это Кристофер Нолан от мира кофе. «Данкин Донатс» — это непритязательный кофе, аутентичный. Это простое, настоящее удовольствие фильмов Джадда Апатоу. Без выкрутасов. Настоящий. Человеческий. Даже не пытайся, Кристофер Нолан. Ты все равно проиграешь. Я знаю, кто ты, и знаю, что из нас двоих я умнее. Долго не могу найти ни одной радиостанции. Затем сквозь помехи прорывается кубинский поп. Я барабаню пальцами по рулю. Это выходит само собой. Все вокруг живое, в движении. Сердце бьется, по жилам течет кровь. Пот собирается на бровях

и стекает вниз. Затем проповедник: «Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите». Затем ничего. Затем проповедник. Затем ничего. В этом прерываемом помехами ничего насекомые продолжают разбиваться о стекло. Затем пропов... выключаю проповедника. Шорох шин. Так темно. Начинает накрапывать. Как такое происходит? Как он заставляет дождь идти? Чудо ремесла. Еще одна иллюзия. Красота мира, достигнутая тренировками на протяжении десятилетий, методом проб и ошибок. Впереди — флуоресцентный взрыв света. Забегаловка. «Слэмми». «Слэмми» в темноте. В пустоте. В измороси, дворниках и насекомых на лобовухе, в черноте. «Слэмми». Парковка пустует, как и забегаловка. Открытая, но пустая. В реальном мире я никогда не слышал о бренде «Слэмми». В незнакомых забегаловках есть что-то тревожное. Они как консервы неизвестной марки на полках в супермаркете. «Настоящий тунец Нилона» пугает всякий раз, когда вижу этикетку. Никак не привыкну. Никак не могу заставить себя купить «Настоящий тунец Нилона», хотя на этикетке и написано, что он пойман на удочку, без угрозы для дельфинов, консервируется в минеральной воде, свежий и с улучшенной текстурой. На этой дороге уже было несколько таких вот таинственных забегаловок: «Складной нож», «Моркус Флэтс», «Иппс». Все пустые. Все светятся. Кто там ест? Возможно, при свете дня эти рестораны не такие зловещие.

Так или иначе, сбавляю газ и сворачиваю на парковку. Насекомые на лобовом стекле почти полностью закрыли обзор. Смотрю очами, но не вижу ничего... кроме жуков. Слухом слушаю, но не уразумею... жуков. Мне нужны салфетки и вода. На звук моих шин по здешнему гравию из кухни подозрительно выглядывает афроамериканка подросткового возраста в униформе карнавальная расцветки. Я паркуюсь и шагаю к ней. Она смотрит из-под отяжелевших век.

— Добро пожаловать в «Слэмми», — говорит она, явно ничего такого не имея в виду. — Чем могу помочь?

— Здравствуйте. Просто хотел воспользоваться санузлом, — говорю я, двигаясь к стойке.

Посмеиваюсь при мысли об этом каламбуре. «Двигаться к стойке». Запоминаю на будущее где-нибудь его использовать, возможно, в следующей лекции для Международного общества любителей антикварных кинопроекторов (МОЛАК). Они люди с юмором.

Мужской туалет — это кошмар. Можно только догадываться, чем люди занимаются в общественных туалетах, если в результате по стенам размазаны фекалии. И это не редкое явление. И все же — как? Вонь невыносима, а бумажных полотенец нет, только сушилка для рук, которые я презираю, потому что из-за них нет ни единого шанса повернуть дверную ручку, не коснувшись дверной ручки, а я не хочу к ней прикасаться.

Поворачиваю мизинцем и большим пальцем левой руки.

— Левый большой и мизинец, — говорю я, чтобы закрепить в уме, какими именно пальцами нельзя тереть глаза или ковыряться во рту и в носу до тех пор, пока не найду нормальное мыло и воду. — Я надеялся разжиться у вас водой и бумажными полотенцами. Для лобового стекла, — говорю я юной афроамериканке.

— Вам нужно что-нибудь купить.

— Хорошо. Что порекомендуете?

— Я порекомендую что-нибудь купить, сэр.

— Ладно. Я буду «Кока-колу».

— Размер?

— Большую.

— Маленькая, средняя, бигги.

— Бигги «Кока-кола»? Такая бывает?

— Да. Кола бигги.

— Значит, «Кока-колу» бигги.

— У нас нет «Кока-колы».

— Хорошо. Что у вас есть?

— «Оригинальная прогулочная кола „Слэмми“». «Оригинальный прогулочный рутбир...»

— Хорошо. Я буду колу.

— Какой размер?

— Большую.

— Бигги?

— Да, бигги. Простите.

— Что еще?

Я хочу ей понравиться. Я хочу, чтобы она знала, что я не какой-нибудь привилегированный поганый расистский еврей с севера. Прежде всего, я встречаюсь с афроамериканкой. Я хочу, чтобы она об этом знала. Я не знаю, как упомянуть эту деталь в контексте данного разговора на столь раннем этапе наших отношений. Но чувствую ее презрение и хочу дать знать, что я не враг.

Также хочу дать ей знать, что я не еврей. Между афроамериканским и еврейским сообществами исторически существует напряжение. Моя еврейская внешность — мое проклятие. Поэтому я стараюсь почаще платить кредиткой. Я куплю с нее «Слэмми-колу». Может быть, тогда бумажник случайно откроется на фотографии моей афроамериканской девушки. И она увидит, что моя фамилия Розенберг. Не еврейская. Ну, не *только* еврейская. Она вообще поймет, что не только? С моей стороны неправильно предполагать, что она необразованна. Это расизм. Как любит говорить моя афроамериканская девушка, мне нужно почаще чекать свои привилегии. И тем не менее я встречал многих людей самых разных рас и этнических групп, которые не знали, что Розенберг — это не еврейская фамилия, ну, не только еврейская. Я предполагал, что они знали. Но позже в разговоре они начинали говорить о Холокосте, дрейдлах или гефилте-фиш, пытаясь таким образом проявить вежливость, найти общую тему. И тогда я пользуюсь возможностью, чтобы сказать, что Розенберг на самом деле немецкая...

— Что еще? — повторяет она.

— Надо купить что-то еще, чтобы мне дали бумажных полотенец?

— Пять долларов минимум, — говорит она и показывает на какую-то воображаемую табличку.

Хочется сказать ей, что правильно говорить «*минимум*», но я держу язык за зубами. У нас еще будет время поговорить об этом, когда мы станем друзьями. Я смотрю на меню у нее над головой.

— Как насчет «Слэмми-бургера»?

Она разглядывает ногти в ожидании.

— Я буду «Слэмми-бургер».

— Что-нибудь еще?

— Нет. Это все.

— Пять долларов тридцать семь центов.

Достаю бумажник, фото моей девушки отлично видно. Вы бы ее узнали. Она играла роль благонравной, но сексуальной мамы в ситкоме из девяностых. Не скажу, как ее зовут, но она красивая, умная, веселая, мудрая и афроамериканка. Предпочитает, чтобы ее называли «черной», но я не могу сломать выработанную годами привычку. Я работаю над этим. Девушка за стойкой не смотрит

на бумажник. Я даю кредитку. Она берет, изучает, затем протягивает обратно.

— Кредитки не принимаем, — говорит она.

Но зачем тогда она ее взяла? Я протягиваю шесть долларов. Она считает мелочь, пересчитывает еще раз, затем кладет на стойку. Почему она не желает касаться моей руки?

— Можно мне еще бумажных полотенец и стакан воды?

Она вздыхает так, словно я попросил помочь мне с переездом в эти выходные, и исчезает за дверью, где, полагаю, у них хранятся бумажные полотенца и вода. Из-за двери выглядывает молодой афроамериканец в точно таком же костюме карнавальной расцветки и смотрит на меня. Я улыбаюсь и киваю. Он исчезает. Девушка возвращается с пакетом, двумя стаканчиками с водой и тремя бумажными полотенцами.

— А можно побольше полотенец? У меня все лобовое стекло в насекомых.

Она очень долго — минут пять? — смотрит на меня, словно не веря своим ушам, и снова исчезает за дверью. Я правда хочу ей понравиться. Что мне сделать, чтобы ей понравиться? Знает ли она, что я написал целую книгу об афроамериканском кинорежиссере-новаторе Уильяме Гривзе, чей документальный фильм «Симбиопсихотаксиплазм» настолько опередил свое время, что я провозгласил Гривза Винсентом Ван Гогом американского кинематографа? Хотя сейчас я понимаю, что есть что-то в корне расистское в том, чтобы отмечать заслуги афроамериканского режиссера, сравнивая его с белым европейским художником-мужчиной. Еще и мертвым. Я забыл, что он *мертвый* и еще *гетеросексуальный*. Еще и... *цис*. Она вообще знает, что я написал книгу? Об этом можно хоть как-нибудь сейчас упомянуть? Я не расист. Совсем не расист. Она возвращается еще с тремя бумажными полотенцами. Должно быть, выпадают из диспенсера по три штуки за раз.

— Вы знаете, кто такой Уильям Гривз? — спрашиваю я, прощупывая почву.

Парень снова выглядывает, угрожающе, словно я только что сделал девушке предложение.

— Ладно, неважно, — говорю я. — Спасибо за полотенца и воду.

Оборачиваюсь, чтобы уйти. Кто-то сзади с присвистом выдыхает. То ли парень, то ли девушка. Возможно, за дверью сидит третий афроамериканец, который у них тут отвечает за выдохи.